

Елена
Катишонок

ДЖЕК, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДОМ

РОМАН

Елена
Катишонок

ДЖЕК,
КОТОРЫЙ
ПОСТРОИЛ
ДОМ

РОМАН

Информация от издательства

16+

Художественное электронное издание

Художник — Валерий Калныньш

Катишонок, Е. А.

Джек, который построил дом : Роман / Елена Александровна Катишонок. — М. : Время, 2021. — (Самое время!)

ISBN 978-5-9691-2156-0

Действие новой семейной саги Елены Катишонок начинается в привычном автору городе, откуда простирается в разные уголки мира. Новый Свет — новый век — и попытки героев найти своё место здесь. В семье каждый решает эту задачу, замкнутый в своём одиночестве. Один погружён в работу, другой в прошлое; эмиграция не только сплачивает, но и разобщает. Когда люди расстаются, сохраняются и бережно поддерживаются только подлинные дружбы. Ян Богорад в новой стране старается «найти себя, не потеряв себя». Он приходит в гости к новому приятелю и находит... свою судьбу. Встреча могла состояться пятнадцать лет назад, однако впереди — вся оставшаяся жизнь, счастье сегодняшнего дня. История любви «этих двоих» — и сокрушительная сила материнской любви; наши дни и прошлое; сегодняшние войны — и Вторая мировая война глазами узницы концлагеря и офицера польской Армии Крайовой. Жизненные пути героев пересекаются причудливо и неожиданно, старое поколение уходит и появляется новое. От того, удастся ли сохранить связь между ними, зависит и наша общая историческая память.

© Елена Катишонок, 2021

© «Время», 2021

...два голоса несутся издалека;
туман луны стекает по стенам;
влюбленных двое обнялись в тумане...
Да, о таких рассказывают нам
шарманки выцветших воспоминаний
и шелестящие сердца старинных книг.
Влюбленные. В мой переулок узкий
они вошли. Мне кажется на миг,
что тихо говорят они по-русски.

В. Набоков

Naked and alone we came into exile.
In her dark womb
We did not know our mother's face;
From the prison of her flesh have we come
Into the unspeakable and incommunicable prison
Of this earth.

Thomas Wolfe

Часть первая

1

В октябре 1988 года семья Хейфец — Богорад получила разрешение на выезд в Израиль — на постоянное место жительства, ПМЖ. Семья состояла из двух человек, матери и сына. Теперь они сидели друг напротив друга и молчали, как люди, присевшие «на дорожку», когда чемоданы давно собраны и только ждут, чтобы их взяли в руки.

Однако до чемоданов, общим числом по два на человека, предстояли более важные дела. Подать заявление на работе, потом... Ян протянул руку и взял со стола бумажку — список обязанностей для отъезжающих. Пробежал глазами, выхватывая куски казенных фраз: ...35 кг на человека... лишение гражданства, 500 руб. ... сдача квартиры... И что-то еще, «нотариально заверенное».

Мать вошла со сковородой.

— Сядь поешь.

После ужина курили вдвоем.

— Это что, всего по тридцать пять?.. — удивилась мать. — А впрочем... — Она обвела комнату взглядом и помолчала. — Везти-то нечего! — И добавила деловито: — Плед надо взять, это чистая шерсть.

В этом вся мать, словно в Америке нечем укрываться. Но возражать ей было нельзя.

— До Америки добраться надо! Говорят, в Италии месяцами людей маринуют. А Вена!.. — рассердилась она.

Тут же сама спохватилась: мол, соседи слышат, хотя кому какое дело, в Израиль они поедут или в Америку. В этом тоже вся мать: кипит, возмущается, потом остынет внезапно, словно воздушный шарик лопнет.

— И в самом деле, — заговорила рассудительно, — соседям только выгода от нашего отъезда: комната.

Ксеньке небось и достанется.

Последние слова прозвучали враждебно. Сейчас опять заведется, будто не все равно, кому достанется комната.

В дверь легко постучали.

— Да! — раздраженно крикнула мать, и в приоткрывшуюся щель просунулось лицо только что упомянутой соседки:

— Адочка, у вас подсолнечного масла не найдется? У меня вышло...

— Что за вопрос, Ксюша; конечно!

Мать ринулась на кухню, за ней семенила Ксения, она же Ксюша, Ксюшенька или Ксенька, в зависимости от обстоятельств. Сунув сигареты в карман, Ян вышел на улицу.

Посидеть на любимой скамейке у музея не удалось: она была мокрой от прошедшего дождя. В крупных выпуклых каплях отражался свет фонарей. По тротуару бежала собака, промокшая и жалкая. Покосилась на курившего из-под нависших мокрых косм и потрусила в сторону кустов. Дождевые капли застыли светлячками на голых ветвях. Облетевшие листья, темные и мокрые, покрывали газон.

Он дошел до угла, где светился киоск. Из одной двери люди выходили с цветами, во втором крыле продавали сигареты, газеты, журналы. Привычная дорога сворачивала на улицу, где жил Саня. Он давно в Израиле, в городе с трудным названием — Ян переписывал его прямо с конверта. За первые четыре месяца пришло два письма, Саня взахлеб описывал израильское бытие — назвать это прозаическим словом «жизнь» язык не поворачивался; но письма давно перестали приходить.

...И как же трудно было представить, что сам он скоро будет писать из Вены.

На работе все прошло гладко — другое время, начальство привыкло к заявлениям «по собственному желанию», хорошо понимая, в чем это желание заключалось. Две положенные по закону недели, не нужные толком ни лаборатории, ни закону, пролетели грустно и бестолково. Завлаб Александр Михайлович, обычно попросту Дядя Саша, сказал коротко: «Держи хвост пистолетом, Янчик. Авось увидимся». Неожиданные слова, усиленные долгой паузой всеобщего недоумения. Никто не предполагал «увидеться», поэтому проводы отъезжающих походили на поминки и случались все чаще. Как можно было «авось» увидеться? Разве что за границей, однако Дядю Сашу даже на конференции не пускали.

Благополучно прошла и поездка в Москву. Мать настаивала, что в голландском посольстве нужно «потереться среди людей, выяснить, как и что». После получения визы Ян, однако, «тереться» не стал, а махнул в Третьяковку.

После сутолочной Москвы квартира встретила тишиной. Как-то само собой получилось, что соседи знали не только про их скорый отъезд, но и про то, что ни в какой Израиль, несмотря на полученную визу, Ада с Яном не собираются. Непонятно, как проведала Ксения — не посредством же одолженного подсолнечного масла, — только знала не она одна — знали все жильцы квартиры. Ксения же первая не выдержала: «Говорят, Ада Натановна, в Америке такого масла не достать... Как же вы будете?» — и протянула купленную бутылку.

Павел Андреевич — самый интеллигентный, по всеобщему признанию, сосед и «переводчик с именем», как уважительно говорила Ада, — кивнул Яну в коридоре: «Так и надо; молодцы». Когда Яник был маленький, ему очень хотелось спросить у «переводчика с именем», кого и, главное, через что Павел Андреевич

переводит, но спросить он не успевал — сосед, неумело потрепав его по макушке, скрывался за дверь.

Переводчик занимал с женой и матерью две комнаты, носил толстые усы, целыми днями стучал на машинке и курил трубку, а по вечерам выходил на *променад*. В детстве Яник тоже мечтал о такой трубке и таинственном «променаде». Слово ему нравилось: в нем соединились и лимонад, и мармелад, и что-то, принадлежащее только Павлу Андреевичу, — мама, например, никогда на променад не ходила. Может, там-то Павел Андреевич и переводит, через этот променад?.. Немало времени прошло, прежде чем он узнал, что скрывается за мармеладно-лимонадным словом, да и курить в свое время начал не трубку, а сигареты.

Жена Павла Андреевича работала спортивным тренером и часто бывала в отъезде со своей командой — то сборы, то соревнования. Все хозяйство вела мать «переводчика с именем» — сухощавое длинное лицо, тусклая седая баранка на затылке, постоянный прищур — очков не признавала. Она всем гордо рассказывала, что ее мать была в юности бестужевкой. Информация не произвела на соседей должного впечатления, но кто-то назвал Анну Ермолаевну «бестужевкой», в результате чего стала она Бестужевкой навсегда. С каждым годом старухе было все труднее подниматься на пятый этаж — очереди в магазинах становились длиннее, а сумка с продуктами тяжелее. Вот и сейчас Ян обогнал ее у парадного и выхватил набитую сетку: «Вы не торопитесь, я вперед». Бестужевка всегда растроганно говорила: «Дай тебе Господь здоровья!» — он уже вынимал ключи у дверей, а слова неслись ему вслед, затухая, с первого этажа... В этот раз формула поменялась: «В Америку... Ну, дай тебе Бог здоровья!»

В комнате стояла тишина. Благословенны стены старого дома, не пропускающие кухонной болтовни,

соседских голосов, утробных звуков спускаемой воды! Комната, которая бывала шумной, людной, дымной, непривычно опустевшей, — сейчас она была тихой, настороженной.

Комната, где прошла почти вся жизнь Яна.

...Когда мальчик вошел сюда в первый раз, комната была огромна и пуста. На окнах были нарисованы густые белые тучи, кругом валялись газеты. Мама поставила на пол два чемодана. Все было высокое: лестница, по которой поднимались, окно, потолок. «Мы будем жить на пятом этаже», — говорила мама. Яник помнил, что раньше они жили в другой комнате и вообще в другом городе. Запомнился балкон, который уходил далеко, к другой квартире; перила у балкона были высокие, Яник до них не доставал. Если присесть на корточки, то был виден весь двор. Во дворе было много-много веревок, и простыни надувались и летали по воздуху. С ними жила другая мама, только очень толстая и старая. Сам Яник никогда так ее не называл, потому что настоящая мама была на работе. Папа — в том, другом городе был и папа — называл толстую мамой, это Яника смешило. Папа говорил: «Это бабушка, зови ее бабушкой». Но у Яника была другая, *настоящая* бабушка, которая приходила за ним и вела гулять. У нее были теплые руки, он любил тереться о них щекой, когда она помогала ему одеться. Помнил бабушкины платья — светлое, с цветами, и другое, темное и шершавое. Бабушка говорила с толстухой мало, а ему рассказывала удивительные истории. Запомнилась одна, про иголку в яйце, которую надо было сломать, там еще сундук очутился на дереве, а само яйцо засунули в утку. Сундук упал, утка вылетела, за нею бросился селезень... Яник не знал, кто такой селезень, однако без него никак было не достать яйцо с иголкой. Утку было жалко. Селезень этот,

наверное, злой. «Надо книжки ему читать!» — сердилась мама.

Новая комната была великанской. Мальчик бегал по расстеленным газетам, потом споткнулся о чемодан и упал. Мама взяла его на руки, но Яник плакал и показывал на окна: «Тучи! Тучи! Хочу солнышко...» Ему было два года. Мама смыла со стекол оставленные малярами «тучи», выбросила газеты с твердыми кляксами известки; начали жить.

...Уедут отсюда тоже с двумя чемоданами — навсегда. Как в два чемодана можно уложить прожитую жизнь? Яна не беспокоило, что ждет его в Америке, потому что знал твердо: все сложится, как в свое время сложилось у дядьки.

Яков, брат Ады, вышел из этой комнаты почти десять лет назад, через два года после смерти их матери. В багаже у него поместился справочник с расчетами, над которым Яков работал несколько лет, а потом столько же времени ждал, чтобы его напечатали; две новые нейлоновые рубашки; несколько семейных фотографий; вылеченный туберкулез; репринты статей; обида — в чем себе не признавался — на почтенного академика, который азартно переманивал его к себе в институт, а потом брезгливо отодвинул заполненную анкету... Сколько весил его чемодан, если прибавить докторскую диссертацию, так и не допущенную к защите? Брось, Яков, увещевали друзья; соблюдай правила игры, все так делают... Завлаб улыбался снисходительно, сроки защиты передвигались все дальше, в размытое светлое будущее. Это было равноценно оплеухе. Написанная диссертация тоже легла в чемодан, рядом с электробритвой, завернутой в «приличные», то есть кримпленовые, брюки. Вторые брюки, «на каждый день», оставались на Якове. В чемодан попала книжка Азимова, обернутая в

миллиметровку, — не для развлечения, а для практики в английском... Что еще он увозил? То, что в багаж не положить. Злостный холостяк в тогдашние свои сорок два года, он оставлял позади тоскливые взгляды и слезы женщин, единых в своей горести; оставлял, но не мог не запомнить; а значит, увозил. Прощальные дары, все эти галстуки-запонки-сувениры, скопились на письменном столе, где Яков равнодушно оставил их лежать — не от избытка аксессуаров, а по полному безразличию ко всему, что не касалось его науки.

Зато пришлось выдержать ожесточенную борьбу с сестрой, которая засовывала в его чемодан пижаму — ни одна дама не отважилась бы на такую дерзость.

— За каким чертом?! Я сроду пижамы не носил и носить не собираюсь! — орал Яков. — И кому нужна пижама, скажи на милость?

— А вот я в Кисловодске видела мужчин в пижамах, — уверенно возражала Ада. — Знал бы ты, какую очередь я отстояла!

— Где, в Кисловодске? Посмотреть на идиотов в пижамах?..

— Нет, в универмаге. Люди на лестнице стояли, по две хватали.

— Такие же дуры, как ты! Вон ее, вон! — и швырял заботливо сложенный дефицит.

— И ничего не вон — я зря, что ли, в очереди стояла? В гостинице ходить будешь или... мало ли?

— ...или на интервью, да? Соображаешь?!

Трепыхались полосатые сатиновые рукава, сигаретный дым носился по комнате, накаленная Ада грохнула дверь — выскочила на кухню.

— Да возьми, в Европе выбросишь, — обронил Ян, — ей же обидно.

Вдруг — именно вдруг — он заметил, насколько похожи мать и дядька: лепка лиц, одинаковые темные

глаза, сейчас полыхающие гневом, форма бровей. Нарисовать бы...

Злополучная пижама оказалась в чемодане, но не только не была выброшена в Европе, а перелетела через океан.

В Америке быстро оценили нового иммигранта, несмотря на экзотические кримпленовые брюки. Пригодились репринты статей и английский язык, обогащенный чтением Азимова, и, получив работу, Яков превратился в Джейкоба; так ведь Азимов тоже не Айзеком родился. Постепенно Джейкоб-Яша вживался в реалии новой жизни. Первым делом выбросил бесполезную электробритву на 220 вольт, а следом — приличные брюки. После жизни в чопорной западной республике СССР ему стоило немалого мужества надеть шорты и — страшно сказать — выйти в них на улицу, словно на пляж, однако стянутые ремнем брюки со стрелками выглядели слишком экзотично в жарком климате. Купил-таки шорты, надел, вышел — и почти окончательно стал Джейкобом. Однако дома, при непривычном пока кондиционере, ходил в пижаме, снова становясь Яшкой, для которого сестра выстояла чертову эту пижаму в душной очереди — без всякого кондиционера, между прочим. Он звонил домой каждые две недели, говорил с обоими, с сестрой и племянником, и всякий раз собирался сказать — не ей, чтоб не злорадствовала, а Янику — про пижаму, но что-то мешало; потом и вообще забыл. Разговоры были бестолковые, сестра кричала: «Ну как?», а что можно было ответить, кроме: «Вы там как?»

Дура; никогда толком ничего не могла сказать.

2

...Десять лет истекло, как Яков уехал, и долго мешало пространство в комнате, прежде заполненное им:

пиджак на спинке стула, далеко отъехавшего от стола, раззявленный портфель, открытые журналы — на письменном столе, на обеденном, у телевизора; разбросанные носки, незастеленная кушетка со сбившейся простыней — словом, все то, что неизменно раздражало Аду, пока брат жил дома. Кушетка теперь стала не нужна, от нее на паркете остался прямоугольник, словно от конверта отклеили марку.

Еще раньше они жили в этой комнате вчетвером.

...После развода Ада решительно избавилась от фамилии мужа и, поручив маленького сынишку матери, приехала из далекого южного города сюда, в столицу братской, но совершенно чужой республики. И в самом деле, решительно все было чужим в этом городе: язык, модно одетые женщины, которым больше подходило слово «дамы»; нарядные, как и дамы, кафе, куда они непринужденно заходили, приветливо улыбаясь друг другу и невнимательно скользя глазами по ней — растерянной, взлохмаченной, в не по сезону теплой одежде. Аду разочаровывало только одно: женщины были одеты во что-то элегантное, но невыразительных цветов: серое, бежевое, пыльно-зеленоватое, как выгоревшая трава. Южанка до мозга костей, сама она любила яркие, броские кофточки — красную, ярко-оранжевую — с одной и той же синей юбкой. Другой не было.

Красив был город, прямо как на открытке. В апрельское небо устремлялись серые шпили соборов; улицы поражали чистотой, как и магазины, непривычно обильные; встречные мужчины равнодушно смотрели мимо, не оглаживали маслеными взглядами, которые там, в родном городе, заставляли сжиматься в комок и спешить домой.

Другая на ее месте заколебалась бы, снова и снова взвешивая все «за» и «против», и не исключено, что погуляла бы по Старому городу да по взморью, по

безлюдному весеннему пляжу, наслаждаясь шорохом волн, и... пошла бы назад к электричке сквозь дюны, пошла бы назад не оглядываясь, чтобы не возвращаться сюда больше; ну разве что в отпуск. Однако Ада была Адой, и зряшная эта лирика нисколько ее не касалась. Она зорко присматривалась к Городу и скоро убедилась, что многие говорят по-русски, что женщин и даже баб в нем побольше, чем поразивших ее модных дам, а что мужчины на улицах не пристают, так это подарок судьбы.

Жила у дальней родственницы — приискивала работу. С обменом квартиры неожиданно повезло: видимо, кому-то не терпелось поселиться на юге, в то время как Аду тянуло на запад. Это только говорилось так: квартира. В результате обмена Ада получила комнату — одну комнату, но какую! Сорок шесть квадратных метров; окно широченное, в три створки; потолок такой, что хоть арии пой или в баскетбол играй.

Дел хватало, зато деньги таяли, как и радушие троюродной кухни; срочно нужна была работа. Газеты кипели объявлениями — требовались ремонтники, монтажники, сварщики... Четыре года назад Ада получила диплом журналиста, но журналисты здесь, похоже, не требовались.

К середине дня сильно хотелось есть. Она спешила пройти мимо столовых, сворачивала в боковые улочки, кружила по городу, но как нарочно натыкалась на кафе, так поразившие ее воображение в первые дни.

«Булочку с кофе» — решила Ада. Что и говорить, выпечка здесь была вкусная. Медленно жевала, чтобы не съесть булочку слишком быстро, и рассматривала в окно прохожих.

За соседним столиком разговаривали двое мужчин.

— ...и через три месяца ушла в декрет!

— А ты не знал?

— Ни сном ни духом. Никто не знал. Она же новенькая, ну так и...

— Главное, чтобы муж знал.

Оба засмеялись. Потом тот, кто пошутил о муже, сочувственно продолжал:

— И ты теперь без корректора?

— Ну да. Зашиваемся. С улицы, конечно, не возьмешь.

Аду словно подкинуло.

— Вам корректор нужен?

Собеседники уставились на женщину: один выжидательно-настороженно, другой оценивающе. Вот это — не сразу мысленно подобрал слово — фемина! Быстро схватил глазом яркое смуглое лицо с крупным ртом и глубокими темными глазами. Одета кое-как, словно за хлебом выскочила: потертое пальто, немодные туфли, но фигура... Все при ней.

— Нет, вы не подумайте, что я подслушивала! Просто вы говорили громко. А я могу корректором работать.

Говорит как южанка, с экспансивными жестами, подумал первый.

Второй мужчина слегка сдвинул брови:

— Вопросы трудоустройства я решаю на рабочем месте. Так что... — и развел руками.

— Рабочее место — это где?

Такая напористость его рассмешила.

— Предположим, девушка, я вам дам адрес. И что дальше?

Терять Аде было нечего, поэтому не смутилась.

— А ничего, — спокойно согласилась она, — потому что я приду «с улицы», — нарочно передразнила его интонацию, — а «с улицы» вы на работу не берете.

— Будь здоров, — приятель говорившего взглянул на часы и поднялся. «Бой-баба, однако. Коня на скаку...» Он слегка поклонился женщине и вышел.

Коня не коня, но ставку младшего корректора в заводской многотиражке Ада получила. Впрочем, иначе и быть не могло: Ада всегда добивалась того, что хотела. Так было в университете, так она настояла на разводе, несмотря на мольбы мужа, так она получила работу в новом городе — и не где-нибудь, а в редакции, куда «с улицы», как известно, не брали.

Зарплата младшего корректора была под стать должности, то есть мизерная, но Ада и корректором поначалу была никаким. Оказалось, что грамотно писать, увы, недостаточно, а четкое знание принципов соцреализма никого не интересует, потому что корректура текста — особое ремесло. Аду такая мелочь не остановила — она всегда руководствовалась принципом «не боги горшки обжигают». Ее не отстранили от должности, несмотря на профессиональную девственность (если «главный» взял человека на работу — значит, были резоны; не с улицы же), дали справочник и старые гранки для наглядности, и вскоре постулат о горшках и богах подтвердился еще раз.

Не менее настойчиво Ада повела себя в домоуправлении: жилью требовался ремонт. Управдом ссылаясь на смету, перегруженность, на недостаток мастеров и предлагал ей найти кого-то на стороне. Трое маляров — из тех, по-видимому, кого недоставало в штате, — курили в углу на корточках, обсуждая Адины статьи. Говорили они не по-русски, но с одобрительными интонациями.

— Мастеров не хватает? — возмутилась Ада. — А вот эти товарищи, — она показала на куривших, — они не мастера разве? Мне надо потолок побелить и стены, чтобы я ребенка могла привезти в чистую комнату.

Приосанившись, управдом предложил «гражданочке» давать указания не здесь, а там, где она работает.

И получил в ответ:

— У меня в редакции есть кому давать указания. Будьте спокойны!

Быть спокойным управдому не удалось — слова «редакция» боялись многие, и по тому, как он растерянно поправил сползавшие очки, Ада поняла: маляры будут.

Ибо не боги горшки обжигают.

И мать с маленьким Яником приехала в отремонтированную комнату.

Откуда, сердилась Ада, в его голове взялись «тучи» на окнах — она до блеска вымыла стекла после побелки! Хотя что с ребенка взять... Или настоящие тучи заволокли небо, погода была пасмурная?.. Ада хорошо помнила, как мать с Яником вошли прямо с вокзала и замерли на пороге, пока сама она занесла два чемодана.

Жили втроем — ожидали, что вот-вот Яша защитит диплом и приедет. Ада прицельно рассматривала неожиданные хоромы, прикидывая мысленно, как она снова пойдет в домоуправление договариваться, чтобы отделить пространство для брата, вот отсюда досюда стенку поставить. Она мысленно видела перегородженную комнату, этот Яшкин кабинет. Он будет заниматься научной работой, ему нельзя мешать. Если домуправ будет ерепениться — что ж, опять придется сослаться на редакцию.

Правда, брат не торопился переезжать. Прямо в последние недели перед выпуском у него начался бурный роман, и, по словам матери, «шло к женитьбе». Кроме этого, Ада не смогла выжать из нее никаких подробностей — Клара Михайловна была немногословна, так что нельзя было понять, как она относится к перспективе увидеть сына женатым. Яшке — жениться? Ада негодовала. Брат был на восемь лет младше нее, совсем ребенок, недавний школьник!

Кто мог окрутить его?.. Этот вопрос занимал ее даже на работе.

Кстати, премудрости корректорской работы она быстро освоила, хоть и оставалась младшим корректором, однако превратиться в старшего не спешила. Куда заманчивей было бы стать репортером и сначала, так уж и быть, писать о новых технологиях, производительности труда, которая неуклонно повышается — того и гляди взлетит в заоблачные выси; об этом писали без ее участия, что Ада считала большим упущением. Создав же портрет очередного ударника, она перешла бы в другую газету — что, разве только заводские многотиражки существуют? Ее призвание — стать настоящим журналистом, а не просиживать над гранками, расставляя дурацкие закорючки и стрелочки. Небожители, творцы газетных статей, частенько заглядывали к «девочкам»-корректорам — анекдот рассказать или выпить кофе, завариваемого в мятой, как солдатский котелок, алюминиевой кастрюльке. То один, то другой нередко мог угостить — или угоститься — сигаретой, стрельнуть десятку до получки. До денежной реформы, о которой никто не подозревал, оставалось два года, и десятка еще не превратилась в рубль. Ада приходила в ужас: она-то думала, что на авторов непрерывно сыплется золотой гонорарный дождь... От авторов, однако, нередко пахло перегаром, брюки лоснились, а ворот пиджака подпирал нестриженные космы. Нет, это не было похоже на золотой дождь.

Непосредственное Адино начальство, старший корректор — сухопарая тетка неопределенного возраста, — оканчивала вечерний полиграфический институт, что в близкой перспективе сулило ей должность редактора. Младшего, разумеется; эта мысль Аду приятно грела. Нет, в полиграфической сфере толку

не будет, а диплом у нее, между прочим, университетский.

Правда, бесполезный.

Ох, как Яшка смеялся над ней! «И что, кому твоя журналистика понадобится? Д-дура... Шла бы на приличный факультет! На физику, например. Хотя куда тебе на физику — там голова нужна. В инженеры шла бы, в технологи...» Вот у него голова есть; и что с того? С минуты на минуту его женят!.. Она не допускала мысли, что инициатива могла исходить от брата или быть взаимной, нет: интрига, козни; только так.

Насмешливые слова брата хоть и вызвали бурный протест Ады, с обидой и слезами, но в голове осели. То и дело мелькавшие в гранках слова «новые технологии» тоже сделали свое дело. В самом деле: быт мало-помалу наладился, мать вела хозяйство, присматривала за сынишкой. Не подать ли документы в технический вуз?

Она выбрала специальность «технология производства полимерных материалов». Если бы специальность называлась иначе, например «технология деревообработки» или «новые технологии консервирования рыбы», Ада так же решительно окунулась бы в учебный процесс — она любила учиться. Так было с самого детства, когда отец принес домой книжку по астрономии. Девочка старательно выучила названия планет и созвездий. То же самое продолжалось в школе, в университете — училась ради самого процесса. Так произойдет и впоследствии, на курсах повышения квалификации, которой она пока не овладела вовсе. Но ведь не боги?.. Нет, конечно.

Клара Михайловна выслушала решение дочери, кивнула одобрительно. Вечерние занятия, втайне надеялась она, избавят Аду от одиночества. На вечернем отделении мужчины должны быть серьезные, не пустозвоны. Дочери тридцать скоро, а что

с мужем не заладилось, так на нем жизнь не кончается. Ада продолжала говорить, но мысли Клары Михайловны привычно текли сразу по трем направлениям: Янику нездоровится, носик заложен — значит, завтра на рынок не выберешься; сын уже защитился с отличием, однако не спешит ехать, и что там происходит, неведомо. Может, уже женился?..

Яков не женился. Через несколько дней раздался междугородний звонок, и Клара Михайловна услышала: «Мама, я заболел».

3

Бабушка уехала. Через несколько дней мама отвела Яника в детский сад. Он ждал ее до вечера, но мама не пришла, зато появилась тетенька в платочке и повела его в спальню. «Мне домой надо, тетя», — начал Яник, но та перебила: «В субботу пойдешь домой. И никакая я тебе не тетя, запомни. Ложись, вот твоя кровать». Другие дети засмеялись. Они прыгали на кроватях, корчили друг другу страшные рожи, высывали язык. Тетя-нететя вышла, и мальчики стали дергать Яника за волосы, за уши. Он стоял посреди темноватой спальни и ждал субботы.

Садик был круглосуточный. А что было делать? Мать сказала: «Я уезжаю к Яше». Сколько Ада ни уговаривала подождать, не торопиться, Клара Михайловна молчала, только загибала пальцы, что недоделано: белье замочено — надо выстирать; фасоль готова — сварить суп; Янику гольфы починить, а то резинка сползает... Уложила легкий чемодан — пустого места было гораздо больше, чем вещей, — и помчалась на вокзал.

У брата все так: то бурная любовь, то... туберкулез. Одно хорошо: не женился и сейчас, пожалуй, не до того. Фасолевый суп доварить не хитрость, хоть он и выкипел

немного; но что делать с ребенком? После рабочего дня надо мчаться в институт. Две пары лекций — и к десяти домой. Когда ребенком заниматься? Спасибо на работе пошли навстречу — при заводе был свой детсад. И так удобно: круглосуточный! Янику можно посвятить целое воскресенье.

Она представляла, как в субботу вечером уложит его в кроватку. Как утром он проснется и обрадуется, как они неторопливо позавтракают и пойдут гулять, мама с сыном, а потом, если погода улыбнется, поедут на взморье. Как будет вытирать его, пухленького, после купания, вытряхивать песок из сандаликов... Если на улице дождь, она поведет малыша на выставку, в кино, в музей; надо с детства приобщать ребенка к прекрасному.

В субботу выяснилось, что надо перестирать сынишке всю одежду. Кроме того, Ада получила немало замечаний, чтобы не сказать нареканий, на его поведение, самым мягким из которых было «недружелюбный он у вас какой-то, мамочка».

Сынишка только хлюпал носом. Янику больше всего хотелось, чтобы суббота и воскресенье никогда не кончались. Дома было хорошо! По коридору, как и раньше, ходил усатый дядька с трубкой, он останавливал Яника и спрашивал: «Как дела, Пельмень?» Яник сначала не знал, что такое «пельмень» и как надо отвечать. Спросил у бабушки, та засмеялась и объяснила: «Хинкали это. Помнишь, я хинкали делала?»

Вспомнил — и не только хинкали, а какой-то шумный праздник, и как папа громко пел за столом, а мама повторяла: «Не давайте ребенку соус!» Однако сердитая толстая папина мама, ничего не говоря, плюхнула ему на тарелку что-то темное, густое. Было вкусно, только щипало язык; Яник поперхнулся. Папа больше не пел, потому что мама и толстая громко закричали.

Сейчас бабушка поехала к Яше. Наверное, делает ему хинкали, потому что Яша больной. Говорили, что Яша — дядя Яника, потом сказали, что Яша студент. Он приезжал на каникулы, носил Яника на плечах и спрашивал: «Что курим?» То же самое спрашивал у мамы и бабушки. Во рту у Яши торчала папироса. Вечером он прыскался одеколоном и уходил.

...Яник не знал, долго ли отсутствовала бабушка — тогда, в детстве, казалось, что целый год — или полгода, что для трехлетнего ребенка примерно одно и то же — вечность. Эту вечность он проводил в детском саду, неистово ожидая субботы, когда в дверях один за другим появлялись родители и уводили своих детей. Он всегда пропускал момент, когда входила мать, — изо всех сил старался не смотреть в ту сторону, сам себя уговаривая: «Не буду смотреть, не буду, и тогда придет...» И не мог удержаться — бросал украдкой взгляд на белую двухстворчатую дверь. Она долго потом ему снилась, эта дверь.

И когда вселился Яков, тоже не помнил: то ли он приехал вместе с бабушкой, то ли некоторое время спустя. Все говорили о каком-то санатории, который «поставит Яшку на ноги». Янику было смешно. Он представлял себе, как Яша лежит на полу и спрашивает: «Что курим?», а встать не может.

Детский сад кончился, как только появилась бабушка. Не надо было рано просыпаться по понедельникам, и мама больше не дергала его нетерпеливо за руку: «Да шевелись ты!..» Не было садика, большой комнаты, где нянечки расталкивали всех, кто заспался. Не надо было ждать субботы, чтобы прожить дома вечер и такое короткое — раз, и кончилось! — воскресенье. Воспитательницы больше не называли его «букой» и «недружелюбным ребенком». Когда он пробовал присоединиться к игре, дети

расходились. Он шел к столику, где лежали стопки тонких затрепанных книжек, среди них страшная: «Мойдодыр», он сразу переворачивал ее вниз обложкой. В книжке была *мамина спальня* — разве у мамы бывает спальня? — а если бывает, то почему там сидит огромный умывальник с жутким именем и гремит тазами, а потом гонится за голым мальчиком?.. Он не успевал испугаться, когда кто-нибудь его толкал или отпихивал: «Уходи, жиртрест!» Яник не знал слова *жиртрест* — может быть, это вроде пельменя? Понял, когда девочка в зеленом платье начала дразнить: «Жирный! Жирный!» Когда было тепло, группу выводили гулять. Во дворе была песочница, где обычно валялись разноцветные формочки. На краю песочницы сидел мальчик и крутил колеса перевернутого вверх дном грузовика, азартно повторяя: «Вжжих-вжих-вжих!..» Яник смотрел как замороженный и робко присел неподалеку. «Хочешь? — неожиданно спросил мальчик и, не дожидаясь ответа, сунул Янику машину: — На!» В этот момент Яник стал *дружелюбным*: взял грузовик, но играть от счастья не мог. Он не сводил с нового друга глаз и залез в песочницу, где тот уже возился с совком. Не спрашивая, протянул Янику стопку формочек с теми же словами: «Хочешь? На!» Счастливый день оказался к тому же субботой. Яник уцепился за мамину руку, пока они шли к троллейбусу, и возбужденно повторял: «У меня есть самый лучший друг, он такой!..» — и не находил слов, задыхался от восхищения. «Хорошо, — кивнула мама, — а как его зовут?» Яник растерялся. Помолчал и беспомощно прошептал: «Я не знаю...» Так далеко их дружба не зашла — у него не хватило смелости спросить, как зовут мальчика.

С бабушкой все было по-другому. На смену сказке про сундук на дереве и непонятного селезня пришли таинственные истории про чудовищ — дэвов. Дэв

обманывал охотников, уносил и прятал в пещере красавиц, но главное, был огромным. Они шли по улице — то в молочный магазин, то в рыбный, и Яник пытался представить, каким был дэв. «Как вот это дерево?» — спрашивал замороженный мальчик, и Клара Михайловна кивала с улыбкой: да, как это дерево. Он слушал и внезапно прерывал: «А потом пришел другой дэв, больше первого... Он был еще огромней, да? Как наш дом?» — и чуть сильнее сжимал бабушкину руку. Куда уж огромней, соглашалась Клара Михайловна: они как раз подходили к «нашему» дому — пятиэтажной махине, занимавшей почти полквартала. «Конечно, — думал Яник, — он поборет первого дэва, ведь дом выше дерева. Наверное, первый дэв был жиртрестом...» Он слушал про удивительных щенков, которые раз во много лет рождались у орла. Это были собаки необычайной силы, с орлиными крыльями. Кто сильнее — такой щенок или дэв-жиртрест?..

Он уже давно не был «жиртрестом» — кличка осталась в детском саду, больше никто его так не называл. К первому классу он вырос и похудел, к немалому огорчению бабушки.

Приехал папа. Приезжал он и раньше, но в этот раз привез необычный подарок: школьную форму — серую гимнастерку с брюками, ремень и фуражку.

— Куда ребенок в такой форме пойдет?! — сердито спрашивала мама.

Когда мама говорила о нем, то никогда не называла его по имени, а только «ребенок».

— Ты соображаешь, что здесь *не* Россия? Что форма в школе *другая*? Здесь дети носят синие костюмчики и рубашки с галстуками; ребенок не солдат, а ты что из него делаешь?!

...Его сделали солдатом гораздо позже, и солдатскую форму он надел привычно, но без чувства *узнавания*

той, первой своей школьной, которую подарил отец. Фуражка как фуражка. Ремень как ремень.

...Память о детском счастье — неправильная школьная форма.

...Бабушка ушла на кухню, Яник остался в комнате. Мальчик очень терялся, когда мама с папой спорили, хотя спорила мама, а папа молчал. Он ушел, Яника уложили спать. Он положил рядом новую форму. Ремень пахнул новыми ботинками. Утром он проснулся — костюма не было. Вскочив, увидел... парту, настоящую школьную парту; на сиденье был аккуратно сложен костюм. Яник обрадовался так, что стало трудно дышать, и не сразу заметил, что папиного чемодана нет. Увидел позднее, но в тот момент все затмили форма и парта.

Папа никогда надолго не приезжал.

Яша пришел вечером с работы, потрогал парту, спросил: «Что курим?» Июль подходил к концу.

Хотя Янику пока было только шесть, Ада повела его записывать в школу.

— Директор в отпуску, — предупредила завуч, — я сама проведу собеседование.

В отпуску, надо же; а еще в школе работает... Могу представить это «собеседование», иронически хмыкнула про себя Ада. Да и одета женщина была в открытое свободное платье в цветочках. Слишком легкомысленно для педагога. Ветреная какая-то баба.

— Тебя как зовут? — улыбнулась Янику ветреная баба.

— Яник Богорад, — отчеканил мальчик.

Ада удовлетворенно кивнула.

— Полное имя — Ян?

Он мотнул головой. Завуч повернулась к Аде.

— По метрике — Йоханан. Отцовская причуда, — неохотно сообщила Ада.

Эпилог

Они сворачивают на небольшую тихую улицу, женщина и мальчик лет шести. За спиной у него ранец с пляшущим Микки-Маусом. Довольно моложавая, но седая, женщина держит мальчика за руку, хоть улица в середине дня совсем пуста. Они пересекают дорогу в том месте, где на противоположной стороне растет огромное дерево. Ему тесно; мощный узловатый корень вспорол асфальт и наступил на обломки толстой слоновьей ногой. Ствол его был гол и причудливо пятнист, как форма десантника.

— Удав, — говорит мальчик. — Это Каа, да?

Маленькая ладошка легонько шлепает по дереву. Из-за мутных облаков показывается весеннее солнце, высвечивая буро-серо-зеленые разводы на стволе; луч падает на детскую руку. Тень от ствола протягивается через газон к дому.

Дом как дом — подобными домами застроена вся улица, да, в сущности, и вся округа: уже не деревня, но еще и не город, а скорее городок-подросток, каких много в Америке вокруг мегаполисов.

И дерево каких множество, и дом. Этот, впрочем, стоял не так, как остальные, выровненные фасадами по линейке, а чуть в глубине, словно шагнув назад, и за ним было видно другое дерево, подставившее небу крупные, почти круглые листья.

— Вот дом... — улыбаясь, начинает женщина.

Мальчик звонко продолжает:

— Который построил Джек!

— А это синица... — Взгляд ее нерешительно останавливается на воробье — сойдет за условную синицу? Но тот стремительно вспархивает с куста: навстречу приближается полная дама с коротконогим бульдогом. Женщины обмениваются приветствиями;

мальчуган смотрит, как собака, тяжело переваливаясь, останавливается у куста.

— Вот пес без хвоста, который за шиворот треплет кота! — радуется мальчик.

— Который пугает и ловит синицу, — подхватывает женщина, и они медленно продолжают свой путь и повествование о хозяйстве Джека.

Стихотворение кончается раньше, чем улица, но мальчик внезапно останавливается.

— Бабушка, ты забыла?

— Что, Чижик?

— Ну про Джека! Ты обещала, помнишь?.. Что скажешь, где он? Там ведь про всех, только про Джека ничего не говорится.

Мальчик смотрит очень серьезно.

— Давай подумаем. Может быть, Джек уехал за пшеницей — старая-то кончилась.

— Из-за синицы, да? Потому что она ворует пшеницу?

— Да, пожалуй...

Или надоели вечные склоки в доме, но ребенку такое не объяснишь. Цепная реакция какая-то, голову негде приклонить.

— А дальше? Что случилось с Джеком?

— Джек назвал его Пряничным Домиком. И там...

— Смотри, бабушка, смотри!

Мальчик дергал ее за руку. Из переулка медленно вывернула пожарная машина и с неожиданной для такой громадины резвостью покатила вперед. Он зачарованно глядел ей вслед.

...Я когда-нибудь доскажу тебе про Джека. На самом деле в Пряничном Домике не было синицы, зато там поселилась важная тетя со своим братом. И ни кота, ни пса в доме не было. Не было и ленивого пастуха с коровницей, потому что коровы тоже не было — молоко, бублики и бананы они покупали в супермаркете. Так что

пастух с коровницей строгою не бранились, зато хозяйева... Джек их мирил, но это у него не всегда получалось. И тогда тетя нашла себе другой дом, где жили одни старички. Они не жадничали и разрешили той тете переехать к ним. А брат остался жить один. Он скучал, экономил деньги и выключал свет, а в темноте, сам понимаешь, ему становилось неуютно. Он много болел, и Джек пришел жить к нему. Во дворе на дереве поселился соловей и пел песни. Джек посадил розы и каждую называл по имени. Сам он скучал по старому дому, даже приезжал туда, но цветного окошка не увидел; оно, наверное, разбилось... И тогда Джек придумал сделать книжку. С картинками! В его книжке были только картинки. Ты хочешь знать, как называется? «Дом, который построил я», вот как.

А когда ты подрастешь, я подарю тебе эту книжку.

Над книгой работали

Редактор *Татьяна Тимакова*
Художественный редактор *Валерий Калныньш*
Верстка *Оксана Куракина*
Корректор *Татьяна Трушкина*

Издательство «Время»

<http://books.vremya.ru>
letter@books.vremya.ru

Электронная версия книги подготовлена компанией
Webkniga.ru, 2021